

УДК 944/9
ББК 63.3

ХУЛИГАНСТВО В ГОРОДАХ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД НЭПА

И.Н. Камардин

В годы нэпа хулиганство в советских городах достигло степени национального бедствия. Из-за отсутствия четкого юридического определения под хулиганством понимались самые разные действия. Как показало исследование, основная масса задержанных хулиганов были выходцами из рабочей среды. В заключение автор приходит к выводу, что на протяжении 1920-х годов хулиганство как явление оставалось характерным элементом повседневной жизни советских городов.

Ключевые слова: хулиганство, рабочая молодежь, дебош, драки, избиение администрации, половая распущенность, социальный облик, девичье поведение.

Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в действие с июня 1922 г., определил хулиганство как «озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия» [25].

После окончания Гражданской войны невиданными размерами стало распространяться хулиганство, что подтверждает даже неполная официальная статистика. Так, в 1924 г. в Астрахани ежемесячно регистрировалось от 140 до 200 случаев хулиганства [11]. Если в 1924 г. в Нижегородской губернии было зафиксировано 411 случаев хулиганства, то в 1925 г. уже 1 827 [23, с. 98–99]. По данным статистического отдела НКВД, на 10 тыс. человек в РСФСР фиксировалось хулиганских действий, рассматривавшихся как преступные: в 1925 г. – 3,2, в 1926 – 16,7, а в 1927 – 25,2 случаев [19, с. 79]. По частоте совершения хулиганских действий города далеко опережали сельские поселения. В то время в городах проживало около 17 % населения страны, тогда как из общего числа хулиганских поступков на долю городов приходилось более 40 % [24, с. 74].

Причины этого явления в первую очередь скрывались в тяжелом социальном наследии

предшествующего десятилетия. В то же время немалую роль сыграло и «запаздывание» репрессивной машины государства, долгое время не видевшего в хулиганстве серьезной опасности. Наказание за хулиганство по кодексу 1922 г. было предусмотрено небольшое – всего лишь принудительные работы или лишение свободы на срок до одного года [25]. Несомненно, что такое небольшое наказание не могло оказать значительного влияния на ход борьбы с данным видом преступления. В связи с этим любопытно, что в 1924 г. государство еще более снизило наказание за хулиганские деяния: совершенные в первый раз деяния карались в административном порядке принудительными работами до 1 месяца или штрафом до 50 рублей, а совершенные вторично или носящие злостный характер – лишением свободы до 3 месяцев. Создался парадокс в отношении преступления – наказание: рост первого сопровождался уменьшением наказания за этот вид преступления [6, с. 80].

Увеличение хулиганства также во многом было связано с началом легальной продажи водки в органах госторговли. В Пензенской губернии за 1925 г. было задержано за пьянство 1 367 человек [9, л. 117]. Нижегородский губком ВКП(б) отмечал, что начиная с октября 1925 г. в губернии отмечается усиление хулиганства [21, л. 6].

Криминологи отмечали, что «хулиганит в основном рабочая молодежь в возрасте от

18 до 25 лет, и главным образом на почве социальной распущенности, выражающейся в грубой примитивности интересов, в отсутствии культурных запросов и социальной установки, в крайне низком образовательном уровне» [31, с. 75]. В Нижегородском архиве сохранились сведения о привлеченных к ответственности в административном порядке по ст. 176 УК членах ВКП(б) за время с 1 июля по 1 октября 1926 г. Было задержано 50 человек, возраст задержанных колебался от 21 года до 55 лет, средний возраст составил 29,7 лет, среди которых 68 % составляли рабочие, задержанные в основном за нецензурную брань в общественных местах, приставания к прохожим, драку. Членов ВЛКСМ за этот же период было привлечено 24 человека, возраст колебался от 17 до 26 лет, процент рабочих среди них составил 72 % [21, л. 12]. В Нижнем Новгороде за 1926 г. за хулиганство было привлечено 3 216 человек, из них 51 % рабочих, 4 % крестьян, 24 % служащих, 21 % нетрудового элемента [14, с. 118]. В Самаре социальный состав хулиганов в 1926 г. выглядел следующим образом: из 1 765 человек, привлеченных к ответственности, рабочих было 624 человека (35,4 %), служащих – 353 человека (20 %), торговцев – 222 человека (12,6 %), крестьян – 165 человек (9,3 %), прочих – 401 человек (22,7 %) [8, л. 47]. Большая доля хулиганов-выходцев из рабочей среды во многом была связана с пропагандой политического режима, внушавшего рабочей молодежи представление о социальном превосходстве и тем самым фактически воспитывавшего в ней чувство вседозволенности и безнаказанности.

По данным обследования 1926 г., рабочая молодежь составляла около $\frac{3}{4}$ всех хулиганов. Так, в 1926 г. в Самарской губернии 48,3 % хулиганов составляли лица в возрасте от 18 до 25 лет; 29,8 % – от 25 до 35 лет [там же]. Причины девиантного поведения в среде городской молодежи были многочисленны и многообразны. Молодежь, еще не включенная в новые социальные роли, испытывала дезорганизацию и еще не представляла четкой роли в новом обществе. При этом сознание и поведение молодых во многом отражает значимые моменты социальной жизни. Мировая и гражданская войны, события

1917 г., эпидемии и голод травмировали детей и подростков физически и психически, показав им страшные картины насилия, оскорблений и надругательств над личностью, смерти в ее самых пугающих проявлениях. Смерть родителей и близких в результате голода и эпидемий, голод и полное одиночество ребенка перед лицом окружающего мира – типичные явления того времени. Психиатры констатировали, что молодые люди, детство и переходный возраст которых совпали с периодом социальных потрясений, проявляли повышенную нервозность, истеричность, склонность к патологическим реакциям. Например, из 408 обследованных в 1927 г. подростков Пензы 31,5 % оказались неврастениками, а среди рабочих подростков уже 93,6 % имели нервные заболевания, осложненные туберкулезом и малокровием. В отчете Нижегородского ВКП(б) отмечалось, что в рабочих районах бьют друг друга, ругаются, потому что нет соответствующих развлечений [20, л. 21].

В подавляющем большинстве хулиганы того времени были мужчинами. По данным ЦСУ РСФСР, женщин среди осужденных за хулиганство в 1925 г. было только 4 %, в 1926 – 3,9 % [28, с. 143]. В 1926 г. в Самарской губернии по половому признаку состав привлеченных за хулиганские действия был следующим: 86 % мужчин и 14 % женщин [20, л. 200 об.].

Из-за отсутствия четкого юридического определения под хулиганством понимались самые разные действия: произнесение нецензурных слов, стрельба из огнестрельного оружия, шум, крики, пение озорных или нецензурных песен и частушек, обрызгивание граждан водой и нечистотами, бесцельное постукивание в двери домов, устройство загромождений на дорогах, кулачные бои, драки и т. д. Отдельные виды хулиганских действий встречались особенно часто. В Нижнем Новгороде в этом же году были выявлены следующие виды хулиганства: дебош – 21,4 %, приставания и оскорбление публики – 9,5 %, драки – 14 %, нецензурная брань – 37 %, отправление естественных надобностей в недозволенных местах – 7,3 %, разные озорные действия – 10,5 % [14, с. 118].

Как видно из вышеприведенных данных, наиболее распространенным видом хулиганства была нецензурная ругань в пьяном виде

в общественных местах. Например, в г. Самаре Каныгина Александра (25 лет) 8 октября 1926 г. была привлечена к ответственности за то, что, будучи сильно пьяна, устроила на площади Революции дебош. Она ругала прохожих нецензурной бранью и громко шумела. Около буянки собралась большая толпа народа. Каныгину отправили в участок. Народный суд 6-го участка, где разбиралось дело по обвинению Каныгиной в хулиганстве, приговорил ее к лишению свободы сроком на 2 месяца. В Нижнем Новгороде основная масса хулиганов привлекалась за ругань нецензурными словами в общественных местах и отправления естественных надобностей в неположенных местах [21, л. 47].

Основная масса хулиганских поступков совершалась на улицах. Так, в Самаре группа хулиганов специально курсировала по ул. Советской с приспособленным к трости крючковатым наконечником, представляющим человеческую руку с комбинацией из трех пальцев, которым, предварительно показывая и тыча в лицо намеченной жертве, задевали за передний край платья женщине, отчего последняя падала [5, л. 22]. В Астрахани хулиганы облюбовали городские сады, проходящим мимо насыпали за воротник песок, бросали на одежду жуков, женщин, как правило, обругивали базарной руганью, в темных местах натягивали веревку, через которую падали прохожие [11]. Нужно отметить, что во всех перечисленных случаях слышалось поощрение, а со стороны проходящих граждан – полная пассивность. В 1925 г. в Сормове ни одной выдачи зарплаты не проходило без происшествий. «Нож в бок, удар дубинкой по голове, скульворот пивной бутылкой – обычные явления после каждой получки». В ноябре 1925 г. хулиганы избili милиционера [29].

Не забывали хулиганы и рабочие клубы, кинотеатры, пивные, театры, даже государственные учреждения. Вот несколько типичных примеров из города Астрахани: клуб «Красный строитель» посещали обкуренные анашой хулиганы, в зале раздается громкий смех, ругань, в результате чего нередко срывались спектакли. В астраханские клубы им. Буденного, железнодорожников, «Соцкультура» во время киносеанса врываются хулиганы, которые шумят, ругаются матом и сры-

вают картины. Были случаи, когда рабочие брали билеты и уходили домой, так как смотреть картину в такой обстановке было невозможно. В апреле 1927 г. в клубе «Пролетарий» во время спектакля в зал ворвались хулиганы и устроили на сцене драку [1]. В Сталинграде в клубе завода «Баррикады» был такой случай: «Девушки, одна из них комсомолка, пошли в уборную, а хулиганы их заперли, привалились к дверям и держали там более часа, пока секретарь ячейки ВКП(б) не обратил на это внимание и усилиями партийцев освободили девушек» [18, л. 61]. В Саратове в клубе «Красный Октябрь» в зрительном зале хулиганы бросались снегом [4, л. 59].

Типичным явлением стало совершение из хулиганских побуждений таких преступлений, как приставание к женщинам. Так, на промыслах Астраханского центрального союза три хулигана приходили в женские казармы, гонялись за женщинами и избивали их [27]. И конечно, во всей «красе» показали себя хулиганы в изнасилованиях женщин, по преимуществу групповых. Как отмечали криминологи 1920-х гг., хулиган из рабочей среды «был весьма распушен в половом отношении, и он насилует поганит раскрепощенную женщину» [12, с. 64]. Любимым развлечением было устройство «тюльпана»: хулиганы ловили девушку, завязывали ей юбку над головой и бросали в кусты ногами кверху [22, с. 86]. В июле 1926 г. в Нижнем Новгороде 14 хулиганов изнасиловали пьяную девушку [2].

Апофеозом «сексуального хулиганства» стало знаменитое «чубаровское дело», когда молодые рабочие ленинградского завода «Кооператор» 21 августа 1926 г. в саду «Сан-Галли» изнасиловали девушку-рабфаковку. Насилие совершали 40 человек, среди них было 9 комсомольцев и 1 кандидат в члены ВКП(б). Процесс над ними сделали показательным, «чубаровщина» стала нарицательным термином для обозначения групповых изнасилований из хулиганских побуждений, которых в годы нэпа совершалось предостаточно.

Постепенно хулиганство захватило городские фабрики и заводы. Немало способствовало росту хулиганства на производстве и вне его постоянное внушение рабочим представлений об их авангардной роли, о том, что именно они являются фундаментом нового

общества и государства. На этой почве у рабочих развивалось так называемое пролетарское чванство – чувство вседозволенности и безнаказанности. Нередки были случаи, когда рабочие без всяких на то оснований избивали специалистов, инженеров и директоров. Это явление даже получило название «быковщина» – по имени молодого рабочего Быкова, застрелившего на ленинградской фабрике «Скорород» мастера Степанкова. Как отмечалось в архивных документах, уже в конце 1920-х гг. невыполнение распоряжений администрации и случаи оскорблений, угроз, запугиваний, избиваний технического персонала носили на всех предприятиях страны массовый характер [15, л. 6].

Со второй половины 1920-х гг. хулиганы все более и более начинают определять повседневную жизнь горожан, в первую очередь самих рабочих, их досуг и работу. «Это герой улицы. Это в известное время и в известных местах владыка улицы. Ее хозяин. Улица – арена его геройств, подвигов и славы. И, выйдя вечером на улицу, он чувствует себя свободно – он у себя дома и, в зависимости от настроения, улица становится более или менее проходима для граждан», – так описывали городского хулигана его современники и были очень близки к действительности [3, с. 179]. В Нижнем Новгороде в центре города в саду «26 бакинских коммунистов» отдыхающие постоянно жаловались на отборную ругань, мат, приставания к прохожим. Современники возмущались, что это происходит в центре города, а что же тогда делалось на его окраинах [29].

В ноябре 1926 г. был принят новый уголовный кодекс РСФСР, в котором в особую главу были выделены преступления против порядка управления. В этот раздел вошли преступления, которые приводили к нарушению деятельности органов управления или народного хозяйства и были сопряжены с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти [26, ст. 59]. Сюда же попало и хулиганство во всех его проявлениях. Преступления этой группы ежегодно занимали львиную долю среди других групп правонарушений. Так, в Нижнем Новгороде преступ-

ления против порядка управления в 1923 г. составляли 75 %, а в 1924 – 86 % [21, л. 29].

С сентября по декабрь 1926 г. многие жители Пензы не могли вовремя попасть на работу, так как три улицы города каждое утро были парализованы – хулиганы периодически разливали по ночам человеческие экскременты из ассенизационного обоза [16, с. 67]. Вечерами рабочие и служащие, возвращавшиеся или, наоборот, идущие на работу, рисковали быть избитыми или даже убитыми. В том же году руководство фабрики «Маяк Революции» было вынуждено обратиться с заявлением к Пензенскому губпрокурору. В нем отмечалось, что регулярно «с 20.00 до 22.00 происходили нападения шаек хулиганов на рабочих фабрики и на учащихся школы ФЗУ при фабрике». Непосредственным поводом для обращения послужил факт очередного избивания пяти учеников-рабочих школы ФЗУ и регулярный срыв по этой причине ее занятий [17]. В Астрахани в связи с распространением хулиганства в вечернее время рабочие-строители перестали посещать читальню и красный уголок укома № 8 [18].

В конце 1920-х гг. сформировался новый тип хулигана: «Это человек человеком, чаще всего даже “свой парень”. С рабочим номером и партбилетом в кармане... Его орел – буза, мат, скандал, мордобой. Его царство – пивная, бульвар, клуб, киношка. Это он – король окраин, властелин предместий, гроза темных переулков» [12, с. 123]. При этом масштабы хулиганства ничуть не уменьшились: в первой половине 1928 г. в городах РСФСР только в милиции было заведено 108 404 дела о хулиганстве [16, с. 124]. Хулиганские сообщества продолжали существенным образом влиять на повседневную жизнь горожан.

Распространение хулиганства вызывало у горожан недовольство и страх одновременно. В этой связи В.В. Лунеев справедливо отмечал: «Самый большой страх населения перед преступностью возникает от криминальных посягательств на улицах. Они, с одной стороны, демонстрируют открытый вызов преступников (в том числе и хулиганов) обществу и государству, а с другой – ставят жертвы преступлений в наиболее незащищенное положение. В этом сочетании обстоятельств – основной источник страха. Боязнь выходить на

улицы в дневное и особенно в вечернее и ночное время – один из характерных признаков криминальности стран, городов, населенных пунктов» [13, с. 215]. С этой точки зрения советские города были явно криминальными.

Не последнюю роль в эскалации панического страха горожан перед хулиганами сыграла центральная и региональная пресса, осознанно или неосознанно нагнетавшая обстановку. Информационные сводки ОГПУ по различным регионам пестрели схожими сообщениями: «...в отдельных районах население настолько терроризировано, что опасается вечером выходить на улицу», «за последнее время участились случаи хулиганства на окраинах города, даже ходить вечером не безопасно» и т. д. Когда в Пензе объявили, что на майские праздники 1929 г. в городе отключат уличное освещение, пошли разговоры, что «в праздники придется сидеть дома, так как они (рабочие) боятся хулиганов» [там же].

Панические настроения привели к укреплению в общественном сознании «расстрельной психологии». Горожане были недовольны тем, как власти борются с хулиганством, и призывали к максимальному ужесточению карательной политики. Например, Губернский отдел ГПУ по Пензенской губернии сообщал в Центр в 1927 г., что рабочие крупнейшего в регионе Трубочного завода вели разговоры следующего содержания: «Ведь это что такое, стало невозможно, нигде покоя тебе нет от этих хулиганов. Пойдешь на семейный вечер, в клуб или кино, а там все время только и слышишь, что кого-нибудь бьют или ругаются матом, кричат: “Зарежу!”, “Застрелю!”... Вместо отдыха получается наоборот, весь изнервничался, кое-как дождался конца, а частенько и не дожидаясь, бежишь домой, давая зарок никогда не ходить ни в кино, ни в клуб. Это происходит оттого, что Власть слабо борется с хулиганством. Сегодня задержат, а дня через 2, через 3 хулигана опять встретишь...» [там же]. В конце 20-х гг. XX в. в губернской прессе ежедневно стали публиковаться списки задержанных пьяных хулиганов. Так, в Нижнем Новгороде в прессе упоминались списки до 50 человек за один день [7].

На протяжении 1920-х гг. хулиганство достигло степени национального бедствия, фигура хулигана стала своего рода визитной кар-

точкой советского города. Как правило, за хулиганство привлекались молодые люди – выходцы из рабочей среды. Следует отметить, что само государство в какой-то степени способствовало развитию девиантного поведения в молодежной среде через либерализацию законодательства по отношению к хулиганским деяниям, через неразвитую систему досуга, поступление в продажу дешевой алкогольной продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В клуб трезвый, из клуба пьяный // Коммунист. – 1927. – 20 апр.
2. Возмутительный случай // Нижегородская коммуна. – 1926. – 22 июля.
3. Голос народа : Письма и отклики советских граждан о событиях 1918–1932 гг. – М. : РОССПЭН, 1998. – 328 с.
4. Двухнедельные информационные сводки о положении дел на местах за апрель 1927 г. // Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). – Ф. 27. – Оп. 4. – Д. 41.
5. Двухнедельные информационные сводки о положении дел на местах за май 1926 г. // Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2386.
6. Захарцев, С. Н. Советское право в годы нэпа (1921–1929 гг.) : учеб. пособие / С. Н. Захарцев; под ред. С. А. Есикова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 375 с.
7. Из пивной в клуб // Нижегородская коммуна. – 1927. – 5 янв., 13 февр.
8. Информационные отчеты о положении дел на местах за декабрь 1925 г. // СОГАСПИ. – Ф. 1. – Оп. 11. – Д. 2383.
9. Информационные сводки о состоянии дел в Пензенской губернии за декабрь 1925 года // Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. Р. 2. – Оп. 4. – Д. 93.
10. Информационные сводки о состоянии дел в Пензенской губернии за май 1927 года // ГАПО. – Ф. Р. 2. – Оп. 4. – Д. 224.
11. К борьбе с хулиганством // Коммунист. – 1924. – 12 дек.
12. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города, 1920–1930 гг. / Н. Б. Лебина. – СПб. : Летний сад, 1999. – 320 с.
13. Лунеев, В. В. Преступность XX века. Мирские, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – М. : НОРМА, 1997. – 480 с.
14. Отчет Нижегородского совета за 1925–1926 год. – Н. Новгород, 1927. – 135 с.

15. Отчеты о работе профсоюзов на предприятиях за 1927 год // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 5451. – Оп. 12. – Д. 462.
16. Панин, С. Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / С. Е. Панин. – Пенза, 2002. – 318 с.
17. Пора разобраться с хулиганами // Трудовая Правда. – 1926. – 5 окт.
18. Протокол совещания с председателями уездных и окружных исполкомов о перевыборах советов, информационные и оперразведсводки губотдела ОГПУ о политическом состоянии // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р. 2. – Оп. 2. – Д. 110.
19. Родин, Д. Главнейшие моменты в современном хулиганстве как массовом явлении / Д. Родин // Хулиганство и хулиганы. – М. : НКВД РСФСР, 1929. – 135 с.
20. Сведения о негативных явлениях в жизни губернии // СОГАСПИ. – Ф. 9388. – Оп. 11. – Д. 151.
21. Сведения о негативных явлениях в политической и экономической жизни губернии за 1926 год // Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 4801.
22. Сегалов, Т. Психология хулиганства / Т. Сегалов // Проблемы преступности. – Вып. 1. – М. ; Л. : ГИЗ, 1926. – 121 с.
23. Статистический ежегодник Нижегородской губернии, 1925–1926 гг. – Вып. 1. – Н. Новгород : Губстат, 1928. – 286 с.
24. Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД. – Вып. 4–5. – М. : НКВД РСФСР, 1925. – 136 с.
25. Уголовный кодекс РСФСР. – М., 1922. – 68 с.
26. Уголовный кодекс РСФСР. – М., 1926. – 84 с.
27. Ударить по хулиганству // Коммунист. – 1927. – 17 окт.
28. Укше, С. Женщины, осужденные за хулиганство // Хулиганство и хулиганы : Сборник. – М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1929. – С. 143–166.
29. Хулиганы // Нижегородская коммуна. – 1925. – 5 нояб.
30. Хулиганы одолели // Коммунист. – 1927. – 15 дек.
31. Эдельштейн, А. Опыт изучения современного хулиганства / А. Эдельштейн // Хулиганство и поножовщина. – М. : Мосздравотдел, 1927. – С. 28–80.

HOOLIGANISM IN THE CITIES OF THE VOLGA REGION DURING NEP

I.N. Kamardin

During the nep hooliganism in Soviet cities has reached the degree of the national disaster. Not being clearly defined as a legal notion, bullying was understood as a variety of actions. The survey shows that most hooligans detained on charge belonged to the working class. Consequently, the author concludes that hooliganism as a phenomenon remains a characteristic element of the everyday life of Soviet cities during the 1920s.

Key words: *hooliganism, working-class youth, riot, fight, beating the administration, sexual promiscuity, a social shape, deviant behavior.*